

Елена Шен

Трудности
журналистского
перевода

Елена Шен

Трудности турецкого перевода

«Издательские решения»

Шен Е.

Трудности турецкого перевода / Е. Шен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984605-1

Главный герой книги восьмилетний Костик приезжает в Турцию — страну, с которой он не может в первое время найти общее. Здесь все другое — климат, семейные ценности, кухня, язык и религия. И, кажется, на первый взгляд нет ничего общего. Но ничего подобного! Маленький герой находит общее и в языке, и в культуре. Находит он и друзей. Но самое главное — у Костика сбываются мечты!

ISBN 978-5-44-984605-1

© Шен Е.

© Издательские решения

Содержание

Автор: Елена ШЕН	6
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвёртая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Трудности турецкого перевода

Елена Шен

Иллюстратор Елена Ведерникова

© Елена Шен, 2020

© Елена Ведерникова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-4605-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор: Елена ШЕН

Lena_tu@mail.ru

Глава первая

Ехали, ехали, а зачем приехали?

Дорога из аэропорта. Сухой ветер из открытой форточкой старого форда «Эскорт» раздувает волосы. Пахнет пылью и бензином. По сторонам – огромные сосны и пальмы. Солнце обжигает нас – маму, меня и мамино нового мужа Музаффера. Вот так имечко! У всех уставшие лица. Я только что перенес самый тошнотный перелёт в моей жизни. Выворачивало и в такси, и в аэропорту, и в самолете два раза. Меня везде и всегда жутко укачивает. Кажется, в организме совсем не осталось жидкости. Я – сухарик. Пью воду без остановки. Ору: «Оставьте машину. Меня сейчас...» Но уже поздно. Опять стошнило водой прямо на любимую футболку с ANGRY BIRDS. Мама помогла всё убрать влажными салфетками, протёрла лицо и руки и дала жвачку. Немного стыдно за конфуз. Оставшуюся часть пути мы едем в тишине.

Мама, наверное, думает, что приготовить на обед. Или как отстирать мою футболку... Или: «Вот опозорился сынок, как после этого строить новую идеальную семью...». Или о чём там ещё могут думать женщины...

О чём думает Музаффер, я не знаю. Он для меня пока закрытая книга. Но его лицо спокойно и невозмутимо. Только и знает, что крутит руль своей волосатой рукой! Вот это ручищи!

Я же крепко сжимаю подмышкой мою самую любимую игрушку – маленького, с мой кулак, с большой головой и крошечными лапками зеленого лягушонка. Это верный друг, который появился в нашей семье ещё до моего рождения. Кто-то подарил его маме, а потом лягушонок по наследству перешёл ко мне. Его зовут Зяба, потому что в детстве я не выговаривал букву Ж. И когда меня спросили: «Кто это?», я ответил: «Зяба» вместо жаба. За десяток лет Зяба пообтёрся и из ярко-зелёного вылинялся в желто-зелёный, у него выпала одна из чёрных бусинок-глаз. Мама пришила новую, но большего размера, так что теперь кажется, что Зяба всегда хитро прищуривается. Этот лягушонок способен менять свою мимику. Когда я грустный – он грустит, когда злой – он злой. Только Зяба знает про все мои печали, про радости тоже узнаёт первым. Я советуюсь с ним, мы строим планы, и, конечно, он принимал самое активное участие в моих играх с солдатиками. А ещё у него было удивительное свойство оберегать меня. Такой вот Зяба-хранитель.

По пути в новый дом я представлял, что последующая жизнь будет сплошным развлечением: море, собственная большая комната с двухъярусной кроватью, новый скоростной велик, рядом – верный друг породы мопс, кличку ещё не придумал, новые друзья и вечные шиш-кебабы с арбузами! Воображение рисовало множество захватывающих картинок. И было только чуть-чуть грустно вспоминать о старой московской школе, о друзьях, о родном отце...

Итак. Октябрь. Турция. Анталия. Мы переехали сюда, чтобы построить новую счастливую семью. Здесь предстоит многое узнать о стране – историю, традиции, быт. И по-возможности полюбить всё это. По крайней мере, именно так говорит мама.

Мне 9 лет. Я учусь в 3 классе. Имя – Константин. Можно Костя. Рост маленький, волосы тёмные и топорщатся ёжиком, глаза серо-зелёные и немного раскосые, как у мамы. И вот ещё про глаза. Они становятся ярко-зелеными, когда я вру. Я тощий. Бабушка называет меня «косточка» или «головастик на ножках». А мама говорит, что симпатичный и буду нравиться девушкам. Если только хорошо кушать. Хотя я не знаю, стоит ли верить маме. Она и про мою новорожденную двоюродную сестру Дашу говорила, что та красавица. Хотя там, в пелёнках, лежало красное существо, похожее на сморщенную старушку. Вкус у мамы, мягко говоря, странный.

В московской школе я был отличником, любимчиком самой красивой учительницы Гаяне Хажаковны. Мне нравится читать и собирать легио. Я коллекционирую оружие, а иногда сам его конструирую. От природы я пессимист. Мой «стакан» наполовину пуст. Мне трудно принять решение сразу. И на подъём я ох как нелёгок. Вот и вся моя краткая характеристика.

20 минут мы ехали какими-то зигзагами по узеньким улочкам, где стояли теплицы, а рядом паслись бараны. Но вот показались дома. И тогда Музаффер с гордостью сказал: «Белый дом – это наш!».

Мы взяли бесконечные чемоданы, сумки и пакеты и зашли в пахнувший свежей краской подъезд. Дом оказался четырёхэтажным без лифта, без мусоропровода. И с какими-то бочками на крыше. Такого в России я не видел. Дверь с цифрой восемь скрывала наше будущее жилище, куда мы, навьюченные, не замедлили завалиться. «Hoşgeldiniz!» – выдохнул Музаффер по-турецки, поставив огромный чемодан. Мы с мамой непонимающе уставились на него. «Welcome» – по-английски, а по-русски: «Добро жаловать», – уточнил он. «Добро пожаловать!» – поправили мы его. И все заулыбались. Моя тошнота вмиг куда-то улетучилась, уступая место растущему чувству голода.

Мама и Музаффер засуетились. Начали искать посуду и еду по пакетам и ящикам. Я засунул Зябу поглубже в карман и тоже приступил к поискам. Сунулся в холодильник – там нашёл подушки и одеяла. В духовой плите лежали книги и диски. Путаница какая-то! Что же может ждать меня в посудомойке? А, ну конечно, часы и картины! Всё было бы смешно, если бы не хотелось кушать. Но вскоре мы отыскали и стол, и стулья, и посуду. По специальному торжественному случаю (и по причине отсутствия в доме еды как таковой) мама открыла банку красной икры, привезённой из России, сделала бутерброды, а вместо чая налила кока-колу! Такого царского завтрака я не помнил. Дело в том, что мама повёрнута на здоровой пище. Готовка – это её хобби. Вот и с Музаффером они сошлись на любви к восточной кухне. Свои кулинарные опыты мама проводила на нас. Чаще всего они были удачными. Особенно если это касалось блинчиков или оладушек. Но вкуснее всех готовил Музаффер. Шеф-повар большого ресторана, он был мастером отбивных и гуру стейков. Что-что, а я люблю съесть стейк средней прожарки под гранатовым соусом с розмарином. Но сколько бы я не кушал, вид имею субтильный. Как говорится, коня овсом не испортишь... нет... от овса кони не рыщут... не в коня овёс! Короче, не в Костика ложка.

Наша квартира была абсолютно новой. Музаффер специально купил её для нас и сам заехал со своими вещами только накануне. Новое жилище приятно пахло свежей краской. Комнат три – большие и белые. Окна ещё без штор. В них виден соседний дом и сад с петухами и теплицами. Вдалеке в дымке – горы с заснеженными вершинами. Дома невероятный бардак: повсюду разбросаны коробки, тюки, ведра, швабры, доски... Сверх этого добра мы привезли ещё свои чемоданы и маленький рюкзак. Мама выдохнула: «Какое счастье – быть дома!». Не понимаю, где она разглядела среди кучи вещей и несусветного бардака счастье?

Взрослые приступили к уборке. А мне было сказано: «Не мешайся. Почитай!». Вместо этого я начал слоняться по квартире и рассматривать лежащие вещи. Сначала нашёл какой-то старинный пояс-массажёр. Надел его. Включил в розетку. Он приятно зажужжал, массируя мне живот. Выпитая кока-кола тоже забурлила внутри в ответ. И минуты через две меня опять затошнило. Я прекратил эксперимент. Тошноты на сегодня достаточно.

Послушал, о чём говорили мама с Музаффером. Он ей рассказывал, какой сильный приступ аллергии случился с ним, когда в гости зашёл его приятель с собакой. Это что значит, не будет у меня никакой собаки? Потом оказалось, что сейчас переехать в собственную комнату я не могу – в ней не было подходящей кровати. Придётся пару дней поспать в гостиной, пока не купят новую. А ещё шкаф и школьный стол. О нет, скоро же школа!

Я хотел позвонить своему закадычному другу, с которым был знаком еще с детского сада. Но интернета не оказалось! Его ещё не провели в новый дом. Этот факт добил окончательно.

Вдруг стало так тоскливо и одиноко. Я понял, что мечтам, которые лелеял, не сбыться. Мир рушился. Я лёг на диван, свернулся калачиком, обнял своего лягушонка и, еле сдерживая слёзы, прошептал: «Ехали, ехали, а зачем приехали?». И провалился в сон.

Глава вторая

Стресс

Всё было непонятно, незнакомо. Везде стресс, как говорит моя бабушка. Я накручивал себя, представлял картины одну страшнее другой. Вот злая училка бьёт меня указкой по рукам. Вот одноклассники обзываются и вредничают. А один из них, бандит и балбес (в каждом классе есть такой, я знал это по московской школе), обмазывает об меня свои козявки. Фууууу... Вот прихожу домой, а мне говорят: сегодня тебе постелили на коврик у двери.

В таком мрачном настроении и застала меня мама. «Костик, давай сходим на базар за продуктами, – сказала она, – а то одной страшно. Вдруг я обратной дороги не найду? Пойдем вместе. Так надёжнее». Мама, значит боится?! У неё тоже стресс? От этих мыслей стало легче. По крайней мере, я такой не один! «Конечно, мам, – согласился я, хотя мне не хотелось выходить из дома в такую жару. – Я заступлюсь за тебя, если что. И дорогу буду запоминать».

Мы взяли специальную сумку для продуктов на колесиках и через 10 минут уже были на месте. От вида турецкого базара мы потеряли дар речи! Вокруг кучи, кучищи фруктов, овощей, орехов, зелени. На прилавках навалены мандарины, апельсины, ананасы, инжир, помидоры, персики, сливы и ещё много всего. Названий некоторых заморских кушаний я просто не знал! В больших бочонках лежали оливки разного калибра, солёные огурцы и маленькие жгучие перчики. В какой-то огромной посудине варили кукурузу. Всё это источало фантастические запахи. Торговцы орала во всю глотку: «Süt mısır! Bir lira domates! Çok tatlı! Val gibi!» («Молочная кукуруза! Помидоры одна лира! Очень сладкие, как мёд!»* – прим. авт.). Что именно они кричали, ни я, ни мама не догадывались. Мама говорила, что мы попали в сказку. Что такого отродясь не видывала. Мы начали ходить по рядам, но дар речи так и не обрели, потому что ни слова не знали по-турецки. Жестами, как немые, показывали, что именно хотим купить. Продавцы – кто с ухмылкой, кто спокойно – также жестами показывали, сколько стоит тот или другой фрукт. Мы молча расплачивались и брели дальше.

Какой-то дядька-продавец с чёрными усами подмигнул маме и потрепал мою щёку грязной рукой. Приговаривая: «Машалла» или «Маршала»?! Я так и не понял, при чём тут маршал и где он его увидел. Щёку мама мне мгновенно вытерла и грозно посмотрела на дядьку.

«Да, Костик, без знания языка совсем плохо, – сказала мама, волнуясь. – Как-то неудобно себя чувствую. Я вот даже не знаю, как сказать, что мне надо полкило огурцов. А продавец персиков мне их столько навалил, что в сумке места не осталось для других продуктов. Будем сегодня кушать салат из персиков и жаркое из огурцов». Мама виновато улыбнулась и покатила тележку дальше.

Нам так и не удалось купить все, что было необходимо. Закончились наличные деньги. «Милый, сегодня придётся обойтись без сладкого», – сказала мама. Так что ряды с турецкими сладостями и орехам мы миновали молча.

Вечером, когда Музаффер пришёл с работы, мы разложили перед ним наши покупки и стали отчитываться, что и за сколько купили. Глава новоявленного семейства качал головой, цокал языком. Мы думали он одобряет наш выбор. Ха-ха, всё наоборот! Оказалось – это жест крайнего возмущения. Цоканье – одна из отличительных черт всех турков. Не нравится что-то – цокают, говорят «нет» – цокают один раз и поднимают брови вверх.

Он объяснил, что овощи и фрукты нам продали много дороже. «Конечно, все видят, что вы туристы! Что ябанджи – чужие или иностранцы значит. В следующий раз вместе пойдём. Меня-то никто не проведёт».

Потом мы рассказали про подмигивающего дядьку с усами и про маршала. И Музаффер опять что-то в бороду себе сказал по-турецки. Наверное, «я бы этому маршалу с большими

ушами уши бы пооткрутил. Но и маршал оказался тут совсем не причём. Maşallah (произносится как машалла) означает «Да защитит тебя аллах!», что-то вроде приговора от сглаза.

После ужина мама сказала: «Я тут вычитала одну турецкую поговорку: «Когда бог хочет послать вам подарок, он заворачивает его в проблему. И в чем большую проблему он заворачивает, тем ценнее подарок скрывается под этой обёрткой». Пословицы и поговорки, скороговорки и присказки – это ещё одна мамина, уже профессиональная черта. Мама в России преподавала искусство речи. Ну, там если артисты, дикторы, политики не умеют «фнятно фыфажёфыфаться», то это к маме. Она научит правильно чеканить слог на ответственном мероприятии или спектакле. И меня она тоже всем этим добром «шпигует».

– Проблема в том, что весь холодильник завален продуктами, которые нам не съесть и за неделю, – продолжала мама. – Костик, садись за стол, будем записывать, что именно надо говорить на базаре и как по-турецки называются овощи и фрукты.

Я нехотя принёс бумагу и ручку (урок турецкого был так некстати после обильного ужина) и спросил:

– По-твоему, какой же «подарок» скрывается под «обёрткой»?

– Если бы мы знали, что и как сказать на базаре, мы бы сэкономили кучу денег и купили пастилу, орешки и твои любимые эклеры и шоколадный коктейль. Вот тебе и подарок судьбы!

Пиши:

Помидоры – domates

Картофель – patates

Морковь – havuç

Лук – soğan

Виноград – üzüm

Персики – şeftali

Апельсины – portakal

Орехи – findik

Сыр – peynir

Половина килограмма – yarım kilogram

Жизнь турецкая потекла. Мама и Музаффер занялись обустройством дома. Расставили мебель, раскатали ковры, разобрали чемоданы и бесконечные ящики и тюки. Особенно мне запомнилось, как развешивали шторы. Музаффер сказал, что по-турецки шторы – «перде». Мы так и покатались со смеху. «Перде, – смеялся я. – Вот умора! Отмерьте нам три метра перде. Закройте перде... Ваша перде из новой коллекции?».

Музаффер познакомил нас и с другими турецкими словами. По всей квартире он развешил разноцветные стикеры: «masa» – стол, «sandalye» – стул, «saat» – часы, «duvar» – стена. Вот так с помощью наскальных... ой, настенных надписей мы учили турецкий. Как какие-нибудь неандертальцы.

Вскоре наконец привезли двухъярусную кровать. Вот это шик! Всё встало в комнате на место: кровать, стол, книжный шкаф, ковёр. Лего и коллекция оружия расположились в удобных ящиках для игрушек. Мама повесила на самое видное место, как раз над письменным столом, картину моего авторства. Вернее сказать, мои художественные каракули, которые я изобразил лет в пять. На листе картона были синие пятна и жёлтые круги. И подпись внизу «ВанКостя»! Это я наляпал, когда мы сходили на выставку знаменитого художника Ван Гога. Рисовал под впечатлением.

Вскоре моя комната из статуса «сарай» перешла в статус «жилище современного человека». Кстати, «saray» по-турецки значит «дворец». В России в сараях всякий строительный хлам хранится, а в Турции падишахи живут. Вот ведь разница!

Глава третья

Случай у моря, или Покатай меня, большая черепаха!

Как-то раз Музафферу на работе дали выходной, и мы махнули на море. Мама собрала сумки с едой и полотенцами, мы сели в машину и поехали. Решено было отправиться на дальние пляжи в Белек. Через какое-то время перед нами появилось ярко-синее море. День стоял солнечный, безветренный. Море было спокойным, без волн. Вода чистая и прозрачная. Я скинул одежду, надел маску для подводного плавания, взял подмышку матрас и побежал к воде. Лёг на своё плавучее средство поперёк, так, чтобы голова в маске могла погружаться в воду, а ноги – грести. Плавал я неважно, так что матрас был хорошей страховкой. А маска необходима для того, чтобы рассматривать морское дно. Мне всегда было жутко интересно, что там, под водой. Вернее, интересно и жутко. Кажется, что в пруду или море вот-вот увидишь морду какого-нибудь чудовища. Или тень белой акулы. Или склизкую медузу. Или какое-нибудь сокровище. Один мой знакомый пятиклассник Семён рассказывал, что он нашёл золотую цепочку в бассейне, когда отдыхал в отеле в Египте. Вот везунчик! Вот бы и мне повезло найти небольшой кувшин с золотыми монетами! А что? Это же не бассейн какой-нибудь, а бесконечное, бескрайнее Средиземное море, по которому плавали корабли корсаров всего каких-то три-четыре века назад.

Я живо представил, как бородатые, одноногие и немые, одноглазые и щербатые развёсёлые пираты рыскали здесь в поисках наживы. Как грабили судёнышки и радовались грошёвым находкам: наловленным честными рыбаками морепродуктам. Или закатывали пиры, когда удавалось с богатых судов «позаимствовать» ткани, вино, специи, серебро и золото. Размышляя, я отплывал от берега.

На дне мне удалось разглядеть песок, камни, поросшие водорослями, да мелких рыбёшек. За полчаса я не нашёл ничего стоящего. Пираты всё подчистили! Только получил пару мелких шипков за пятку от наглых мальков. И я развалился на матрасе во весь рост. Закрыв глаза, подставляя тело солнечным лучам. Вода мерно раскачивала надувное судно, относя меня всё дальше от берега. Я вообразил себя Робинзоном Крузо. Таким путешественником-одиночкой. Мы с мамой недавно прочитали эту книгу, так что воспоминания были свежи. Я представил, что живу на острове, хожу ловить рыбу с самодельным гарпуном. Как с моим другом Пятницей пасём коз, садим пшеницу или делаем лодку, чтобы уплыть на Большую Землю в надежде поесть шоколадного мороженого. Даже представил, что у меня, как у Робинзона, выросла большая окладистая борода, лицо обветрилось от палящего солнца и сухого ветра...

И в этот момент я ощутил, что мой матрас как будто кто-то качнул. Открыл глаза и увидел большую тень прямо подо мной. Людей рядом не было. Матрас унесло метров на пятнадцать от берега к скалам. Только тогда заметил, что на пляже была суматоха. Мама в голубом купальнике энергично махала в мою сторону руками, показывая, что надо вернуться к берегу. Однако ещё больше меня беспокоила мысль, что я здесь не один. Догадки были одна страшнее другой. Сердце бешено колотилось. К горлу подкатил ком. От ужаса не мог позвать на помощь. В немом паническом оцепенении я уставился на гладь воды. Из которой ровным счетом НИЧЕ-ГО не выглядывало: ни зубастая пасть акулы, ни угрожающее щупальце гигантского осьминога. Я нервно забарахтал руками, пытаюсь хоть как-то приблизиться к спасительному берегу, но течение было сильным, и я, будучи почти невесомым, оставался на прежнем месте. Голубая вода, доходившая до самого горизонта, пугала своей мощью. Я отчаялся грести. И вдруг я заметил человека, плывущего мне на помощь. Это был Музаффер. «Костик, смотри! – выдохнул он, наваливаясь на матрас. – Налево смотри!». Он показал на что-то плывущее метрах в трёх от нас. Я стал всматриваться, а потом заметил большую тень... «Тень» подняла над водой

огромную голову. Это была черепаха. Она вальяжно уплывала от нас в сторону скал. «Каретта-Каретта, – сказал Музаффер. – Страааашный динозавр! Тебе очень повезло. Ты счастливчик, что увидел черепаху».

Я был поражён этим морским чудовищем. А ведь наверняка она была прямо под моим матрасом. И проплыви такая Каретта несколькими сантиметрами выше, она вполне могла унести меня на своём большом панцире прямо в море. Вот и покатала бы меня большая черепаха.

Естественно, я получил большой нагоняй от мамы за то, что так далеко заплыл. И всё оставшееся время провёл на пляже, закапывая Музаффера в песок по самую шею. В воду – ни ногой. Хватит с меня морских приключений!

Только дома, за чаем, мы с Музаффером признались маме, что видели большую черепаху со смешным именем. Потом все вместе прочитали в интернете, что эти морские пресмыкающиеся живут на земле уже 95 миллионов лет! Взрослые черепахи весят до 90 килограммов! А подплывают эти чудовища так близко к берегу, чтобы отложить яйца. Взрослых особей инстинкт приводит в то место, где они появились на свет. Некоторые пляжи Турции, в том числе и Белека, являются особой охраняемой зоной, где эти черепахи в безопасности откладывают яйца.

Только вот осталось загадкой, что наша черепаха делала у берега? На дворе-то октябрь. А яйца они откладывают с мая по июль. Может, её черепашата так и не приплыли к ней? Или она приплыла на то место, где родилась? Говорят, добавил глава семейства, что увидеть этих черепах – к добру, это очень хороший знак!

– Не знаю я про ваши знаки, но если бы вы мне там, на море, рассказали про эту Каретту, – сказала побледневшая мама, – то мне пришлось бы карету скорой помощи вызывать».

Глава четвёртая

Курбан-байрам

В конце светлого туннеля бесконечного отдыха забрезжил тёмный свет школьных злобобудней. И всё, что бы я ни делал – играл во дворе, купался в море или сидел в кафе с родителями близ шумного водопада, катался на роликах или играл в компьютер, – всё в конечном счёте сводилось к мыслям о школе. И если этого не делал я, то о предстоящем «замечательном» событии с завидной настойчивостью напоминала мама. Она придумывала для этого всяческие поводы: учебники, проверочные диктанты, покупку школьной формы и все такое прочее.

Не подумайте, что я не хотел учиться в школе. Моё терпение было на пределе, и всё потому, что я не знал, КУДА я иду. КТО там меня ждёт. КАКИМ будет новый класс. КАК будет выглядеть учительница. Мне казалось, что в школе на каждом шагу подстерегают опасности.

Неизвестность пугала больше всего. Я нервничал и хамил маме и Музафферу. И ещё больше уходил в себя, погружался в компьютерные игры, где с какой-то невероятной злобой расправлялся с виртуальными врагами. И даже забросил своего лягушонка, с которым почти никогда не расставался и делился всем. Я даже не помнил, куда его зашвырнул. А иногда просто лежал на втором этаже огромной двухъярусной кровати и сочинял стихи.

Я не хочу учиться
И в школу вообще не пойду.
Мне нравится лениться,
Я дома занятия найду.
Зачем нужны мне книжки,
Зачем учителя?
Без этого мученья
Вертится Земля!

Привычку сочинять стишки мы придумали с мамой. Почти всегда перед сном, когда я уже устраивался в постели, мама садилась рядом, обнимала, спрашивала, как прошёл день. И после мы играли в рифмы, из которых складывались наши стихи и даже целые песни. Они получались корявыми и смешными, а иногда – с чёрным юмором.

Жила-была курочка,
Ждала она яйцо.
Была она дурочка,
Смеялись ей в лицо.
Заигрывает с коршуном,
Лисице строит глаз.
И по её вине без глаза
Гном сидит у нас.

Мама ради забавы записывала их в блокнот. Список наших «шедевров» постоянно пополнялся, и мама грозилась когда-нибудь издать их отдельной книжкой.

Всю следующую неделю ничего особо примечательного вроде морской встречи с древним чудовищем не произошло. Мама и Музаффер вовлекали меня в изучение турецкого языка. Учили язык по тем самым разноцветным стикерам, которые мамин муж развесил по дому. На них было написано, как называется тот или иной предмет. Так что наша квартира превратилась в словарь с картинками. Мы с мамой зубрили слова. Выходило это у мамы не очень. Я-то быстро всё запомнил. А что с этими словами делать? Мама говорила по-русски, Музаффер тоже. Дома легче говорить на родном языке. А турецких друзей у меня пока не было. Погружение в языковую среду было неглубоким. Но ровно до тех пор, пока не случился Курбан-бай-

рам. Это такой праздник у мусульман, по важности вроде нашего Нового года или Рождества. И праздновать его мы решили в деревне, расположенной далеко-далеко в горах, где живут родители Музаффера.

– Что делать в горах? – не слишком счастливо вздохнув, спросил я. – Там же ничего нет, только камни.

– Да ты что! Горы живые, – замахал руками глава семейства, как будто в буквальном смысле пытался развеять мои сомнения. – Разве ты не знаешь, что там растут деревья и обитают разные животные? Деревенские жители ходят туда на охоту. Мой отец тоже охотился на горных козлов и косулей, и старшие братья нередко составляли ему компанию. Сейчас отец постарел, братья разъехались по городам, но ружьё и патронтаж висят у него в доме на видном месте. Я обязательно тебе их покажу!

Вот это обещание! Я сразу забыл все свои переживания, связанные со школой, и начал представлять ружьё и косуль.

Собирались мы в дорогу очень тщательно. Музаффер готовил машину к дальней поездке. Мама – подарки, вещи и меня. Я же тщательно глотал таблетки от укачивания. Чтобы со мной не приключилась «старая песня».

Ранним утром мы загрузились в наш вишнёвый «Эскорт» и поехали. В дороге я испытывал действие таблеток. К счастью, ничего похожего на тошноту и другие неприятные ощущения не было. Мама же испытывала наше терпение. Она через каждую секунду спрашивала: «Костик, как ты себя чувствуешь?», «Как ощущения?», «Ну как...», «Ну, как...» Я огрызался. Потом она переключилась на Музаффера: «А мы взяли подарки для мамы и папы?», «А какие традиции на Курбан-байрам у вашей семьи?», «А что нужно делать и говорить, когда мы встретим всю семью?», «А как я должна быть одета?», «В какой очерёдности нужно целовать руки родителям? Сначала маме, потом папе или наоборот?». И ещё миллион «почему» да «как». За вопросами она прятала своё волнение. Это был первый визит к родным нашей новоявленной интернациональной семьи.

Потом Музаффер грозно посмотрел на маму и, подняв правую бровь, сказал: «Любимая, ты, главное, молчи и улыбайся! Успокойся, они хорошие люди и тебя не съедят!» И включил радио. Под заунывную турецкую музыку я провалился в сон. И проснулся от шёроха шин. Это наш «форд» свернул с ровного асфальтового шоссе на гравийную дорогу. Тогда-то я впервые близко увидел гигантскую гору у самого её основания. Вдалеке виднелись маленькие домики.

Деревня Чатма Кайя, что в переводе с турецкого означает «выложенная из скалы», моих новоявленных бабушки и дедушки открылась во всей её красе. В низине гор расположилась сотня каменных домиков, а на небольшом пригорке возвышалась мечеть. Все дома были двухэтажными, из огромных камней и очень похожими друг на друга. В один из них мы и ехали.

На первом этаже в доме родителей маминого мужа располагался гараж, куда мы поставили машину. Второй этаж был с громадным коридором, бесчисленным количеством комнат, кухней, душевой и туалетом. Ещё был балкон. На нем, пошатываясь от недавнего сна, стоял я, и на нём меня в буквальном смысле зацеловывали бабушка и дедушка, приговаривая что-то неведомое на турецком.

Наконец, они выпустили меня из крепких объятий и переключились на маму и Музаффера. Словом, бабушка и дедушка оказались милыми и радушными старичками. И им было всё равно, в каком порядке целуют руки. Главное, долгожданные дети приехали!

Дед Ахмет – сгорбленный от старости, с окладистой белоснежной бородой, в очках и шапочке. Бабушка Фатма – маленькая старушка в платке с очень добрым морщинистым лицом. Она всё время вытирала глаза платочком. Плакала от счастья.

Приехали мы поздно вечером, когда на небе уже появился остроконечный месяц, точно такой же, как на турецком флаге. Мы все вместе долго пили чай, взрослые разговаривали. Я,

как и мама, ничегошеньки не понимал. Мы только улыбались и чувствовали, что приняли нас со всей добротой и радушием, как самых родных и близких людей.

Вскоре я заснул, и пробудили меня странные звуки. Это было похоже на трещотку или методичные удары деревянных палочек. «Так-так-так» – слышалось откуда-то из глубины сада. Выглянул в окно. За деревьями на каменном заборе сидела огромная птица. «Так-так-так» – щёлкала она своим длинным черным клювом. Это был аист. Он сидел неподвижно, немного выгнув шею. Я решил поближе рассмотреть его. Выскочил в пижаме в сад. Но птицу спугнул скрип открывающейся двери. Вмиг она вспорхнула и, расправив свои огромные черно-белые крылья, улетела.

По дороге в спальню я встретил мужчин, среди которых был и Музаффер. Они были нарядно одеты.

– Куда вы собираетесь? – спросил я у Музаффера.

– В мечеть. Сегодня великий праздник! А ты почему рано встал? Сейчас только пять утра.

– Аист разбудил.

– Ложись спать. А днём пойдём гулять и заодно поищем твоего аиста.

Вернувшись в постель, долго думал про интересную птицу. Такие встречались мне только в азбуке, больше – никогда и нигде. Очень хотелось ещё раз его встретить. Даже если ради этого мне придётся всю ночь просидеть в засаде в саду. Я был взволнован увиденным, впрочем, это не помешало снова провалиться в сон.

Проснулся от того, что солнце поджаривало пятки. Дом был наполнен звуками и запахами. Женщины на кухне делали завтрак. Мужчины громко о чём-то спорили. Пока я шёл умываться, встретил пару детей. Они уставились на меня, как будто привидение увидели.

Оказывается, пока мы спали, в дом бабушки и дедушки приехали многочисленные родственники: братья и сёстры Музаффера, их мужья и жёны, дети и внуки.

– Я насчитала шестнадцать человек, – вместо «доброе утро» сказала мама. – Как раз хожу и считаю, на сколько человек накрывать стол. Сын, ты семнадцатый!

В просторном коридоре, который служил и гостиной, были разложены подушки-маты, на которых все сидели, сложив ноги по-турецки. В середине стояли два стола на маленьких ножках, их накрыли газетами и разложили яства: мёд, хлеб, оливки, пирожки, омлет, сыры, помидоры и огурцы.

Все с аппетитом кушали и подливали чай в маленькие «приталенные» стаканчики, временами перешучиваясь друг с другом. Мы с мамой и Музаффером сидели рядом. Напротив – восьмилетняя Суде и семилетний Арда. Мы, глядя друг на друга, наперегонки начали есть хлеб, густо намазывая его шоколадной пастой. Отличился Арда. Он буквально всё сдобривал шоколадной пастой – хлеб, сыр, пирожки и даже огурцы и оливки.

Арда и Суде пытались заговорить со мной. Но я лишь непонимающе моргал в ответ на их вопросы. Тогда мы начали общаться знаками. Вышли на балкон и наблюдали за стадом коров, которых вели пастись в поле. Бурёнки шли нехотя, помахивая хвостами. Суде закричала им вслед: «Мёёёёё!» Я заорал: «Муууу!» Коровы же «Му» говорят. А Суде опять: «Мёёёё!». Нестыковочка какая-то. Выходит, и животные в России и Турции разговаривают по-разному? И вдруг нам смешинка в рот попала. Мы начали наперебой мёкать и мукать. Увидели ишака. Тот остановился напротив нашего дома и принялся орать. «ИАААА!» – вторил я ему. «АЫЫ-ЫЫЫ! АЫЫЫЫ!» – орали Арда и Суде. Ишак смутился и убежал. А мы покатались со смеху, сбежали с балкона и направились на птичий двор. Арда показывал на курицу и кричал: «Билибили!» и кудахтал по-турецки: «Гыд-гыдак! Гыд-гыдак! Юмурта чок сыджак!». А при виде петуха Суде завопила: «ЙЮЮЮЮЮЮЮЮЮЮ!». Вот тебе и кукареку! Мы подбежали к уткам, которые вместо «кря-кря» по-турецки говорят «вак-вак». И даже воробьи не чирикают, а джик-джикают! Так мы ещё долго бы бегали и кричали на разные голоса, пока на нас гуси не заши-

пели, а Арду больно в коленку не клюнул индюк. Охрипшие мы и дома мычали и крякали на двух языках, пока дедушка, как разъярённый гусь, на нас не зашипел. Немного погодя он отошёл и, усадив нас рядышком на подушки, начал рассказывать про аистов.

– Утром Костика разбудил аист. Это добрый знак, внук! Особенно в такой праздничный день. Лейлек – по-турецки аист. Говорит он: «Лак-лак-лак!» Аистов мы, мусульмане, очень уважаем. Есть такое поверье, что в аистов превращаются души мусульман, которые за всю жизнь так и не совершили предписанного Кораном паломничества к гробу пророка Мухаммеда. И они после смерти превратились в этих красивых и могучих птиц, которые прилетают в Мекку каждый год. Наши деревенские аисты живут возле мечети. Они свили гнездо рядом с домом Аллаха. Это добрый знак для всей деревни!

Все праздничные выходные можно охарактеризовать двумя словами «гости» и «еда». Гостей была непрекращающаяся вереница. Порой в доме одновременно находились человек пятьдесят! Сначала все долго и воодушевленно приветствовали друг друга. Рассаживались на маты. Женщины – с одной стороны, мужчины – с другой. И за чашкой чая вели разговоры.

Но самое интересное творилось на кухне. Оттуда доносились таааакие запахи! И мы с другими детьми не нашли ничего другого, как предложить свою помощь. Нам доверили самую простую работу – перебирать от мусора фасоль. Пока бабушка Фатма чистила баклажаны и помидоры, она рассказала сказку. Музаффер перевёл её нам с мамой.

– Жил-был один имам. Любил, как все имамы, вкусно покушать. И чего уж он только не перепробовал в своей жизни. Однажды повар приготовил новое блюдо. Отведал его имам и ах... «Имам баилди!» – разнеслось по всему сералю. Имам упал в обморок. Набросились на бедного повара гневные визири, хотели зарубить его ятаганамы. Но очнулся имам и... попросил добавки! С тех пор это блюдо называется «Обморок имама».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.